

Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями детско-родительского взаимодействия

Ю.Ю. УЛАНОВА*,
Всеволожск, Россия, yuliya_ulanova@list.ru

В.Е. ВАСИЛЕНКО**,
Санкт-Петербург, Россия, v.vasilenko@spbu.ru

Статья посвящена анализу предикторов кризиса трех лет у детей в области детско-родительского взаимодействия (стилевые характеристики воспитания, особенности эмоционального взаимодействия матерей с детьми, характеристики семейной адаптации и сплоченности). В исследовании участвовали 117 детей (65 мальчиков и 52 девочки) и 117 их матерей из Всеволожского района Ленинградской области. Возраст детей — от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес., средний возраст — 3 года. Применялись психодиагностические методы и метод наблюдения. Выявлено, что период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес. характеризуется признаками предкризисной фазы, критическая фаза отмечается после 2 лет 10 мес. Кризис трех лет более выражен при низком эмоциональном принятии ребенка, воспитательной неуверенности матерей, неразвитости родительских чувств, потворствующей гиперпротекции, незрелости эмоционального поведения матерей при реальном взаимодействии с детьми. В то же время кризисные проявления могут быть выражены и при благополучии в семейном функционировании и эмоциональном взаимодействии (семейная сплоченность, чувствительность матери к ребенку), что подтверждает нормативность кризиса трех лет.

Ключевые слова: кризис трех лет, проявления и симптомы кризиса трех лет, семья, детско-родительское взаимодействие, стилиевые характеристики воспитания, эмоциональное взаимодействие матерей с детьми, семейная сплоченность.

Для цитаты:

Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями детско-родительского взаимодействия // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 68–82. doi:10.17759/sps.2016070405

* Уланова Юлия Юрьевна — педагог-психолог высшей категории, МОУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» Всеволожского района Ленинградской области, Всеволожск, Россия, yuliya_ulanova@list.ru

** Василенко Виктория Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, v.vasilenko@spbu.ru

В период прохождения ребенком возрастного кризиса вся семейная система испытывает определенную напряженность. Психологическое сопровождение семьи в кризисные периоды приобретает особую актуальность в современных условиях глобализирующегося, трансформирующегося мира [14], размывания нормативных моделей родительства [12]. Прохождение возрастных кризисов тесно вплетено в социокультурный контекст, так как именно общество создает образ взрослости у ребенка, а также определяет запреты и табу, без которых сложно понять суть кризисных проявлений. Семья — это именно та малая социальная группа, которая может создать баланс в сохранении традиций и определенной гибкости в современном изменяющемся мире.

Следует отметить, что в отечественной психологии можно выделить разные подходы к пониманию кризисных проявлений. В рамках культурно-исторической концепции подчеркивается нормативность возрастного кризиса. В качестве основных причин его возникновения рассматриваются внутренние и внешние механизмы: появление психических новообразований, запускающих смену социальной ситуации развития. Возрастной кризис сопровождается изменением поведения ребенка, нередко создающим проблемы во взаимоотношениях с родителями и другими членами семьи [4].

А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец и Н.А. Менчинская придерживались противоположной точки зрения. Они делали акцент на внешних причинах кризиса и полагали, что кризиса можно избежать, правильно подбирая педагогические воздействия на ребенка. Так, А.Н. Леонтьев считал, что кризис — это свидетельство

несовершившегося своевременно перелома в развитии [8].

Позиция Д.Б. Эльконина объединяет обе эти линии. Он включает кризисы в схему периодизации психического развития, что указывает на их нормативность. В то же время он полагает, что появление возрастных кризисов связано с таким отношением взрослых к ребенку, которое препятствует реализации им своих новых возможностей [15].

Т.В. Гуськова разделяет «объективный» кризис — появление качественного нового в психике ребенка и «субъективный кризис» — общую картину сопровождающих его симптомов [7]. С этой точки зрения, нормативной конструктивной составляющей кризиса не обязательно будет сопутствовать негативистская составляющая.

К.Н. Поливанова делает следующий шаг — она рассматривает кризис как единство деструктивного и конструктивного компонентов, показывая психологический смысл всех категорий симптомов, включая негативистские. Психологическое содержание кризиса — субъективация способностей, сформировавшихся в предшествующий стабильный период. Кризис — это специфическое психологическое пространство, в котором совершается акт развития, так как субъект приобретает новое видение ситуации. Механизм кризиса — проба, которая выражается в появлении новых форм поведения, т. е. симптомов кризиса [11].

Анализ возрастного кризиса традиционно включает изучение психических новообразований и симптомов кризиса — новых поведенческих реакций [4; 1; 15; 7; 11]. Для кризиса трех лет характерно «семизвездье» негативистских симптомов, также возможны невротические реакции [4]. К конструктивной составляющей

ющей кризиса относят новое системное образование, связанное с возникновением слова «Я», как старт развития самосознания [1], личное действие и сознание «Я сам» [15], «гордость за достижения» [7], «Я-действующий» [11]. Кризис трех лет предполагает кардинальную перестройку личности ребенка и системы взаимоотношений в семье.

Следует отметить, что понятие возрастного кризиса, несмотря на описание кризисной симптоматики у детей еще в работах Э. Келлер и Ш. Бюллер, в целом не приобрело популярности в европейской и американской психологии. Иногда термины «кризис развития» или «конфликт развития» используют применительно к модели восьми возрастов Э. Эриксона [17], но в ней речь идет скорее о стабильных периодах, сензитивных к определенным воздействиям извне. К возрастным кризисам в этой модели можно отнести только второй период, по содержанию близкий к кризису трех лет и частично пятый, включающий в себя проблемы подросткового и юношеского кризисов.

Анализ зарубежных публикаций, проведенный Т.М. Марютиной [10] и Т.В. Гуськовой [7], выявил существенное различие в значении встречающихся в них понятий «critical periods» и «critical points» с понятиями «возрастной кризис» и «кризис развития», принятыми в отечественной психологии. Так, Г. Бронсон, А. Кларк, Дж. Скотт и др. авторы используют эти термины в значении «сензитивный», «ранимый», «пластичный».

Упомянутые периоды повышенной чувствительности детей, в которые проявляются упрямство, негативизм и непослушание, имеют по сравнению с отечественными периодизациями другие возрастные границы. Так, по мнению

Б.Л. Уайта [16] и С. Вульф [19], они соответствуют возрасту 2 и 5 лет. В современных публикациях, посвященных именно трехлетним детям, описываются развитие самосознания, речи, эмпатии и фантазии у детей, появление воображаемых друзей, проблемы во взаимоотношениях в семье, эмоциональные реакции детей без указания на кризисность этого периода [18]. Тем не менее, суть происходящих изменений имеет много сходства с содержанием кризиса трех лет. В связи с этим интересны данные кросскультурного исследования, показавшие сходство в протекании кризиса трех лет у российских и китайских детей [2].

Несмотря на неоднозначность трактовки понятия возрастного кризиса в мировой науке и различные представления о его нормативности, в большинстве концепций признается роль семьи для благополучного протекания этого периода у ребенка. Так, в модели Э. Эриксона в период от двух до трех лет роль родителей оказывается ведущей для формирования у ребенка такого важного личностного новообразования, как автономия [17]. По мнению С. Вульф, пути выхода из кризиса связаны с преодолением стрессовой для ребенка ситуации, обостряющей его взаимоотношения с окружающими [19].

Признание нормативности возрастного кризиса не снимает актуальности проблемы влияния семейного воспитания на его протекание у ребенка. Новое поведение ребенка и кризис системы отношений требуют от родителей умения перестроиться. Так, Д.Б. Эльконин подчеркивает важность создания взрослыми таких условий, чтобы ребенок мог проявить свои новые возможности [15]. Т.В. Гуськова выделяет наряду с внутренними противоречиями в период кризиса внешние — между ребенком и его

социальным окружением [7]. К.Н. Поливанова отмечает, что для взрослого этот период оказывается кризисом собственной системы воспитания, и выделяет два этапа, которые проходят родители: этап усиления прежних воспитательных воздействий и этап поиска новых способов взаимодействия с детьми. При этом она подчеркивает, что ужесточение запретов, как и другая крайность — попустительствование, не отвечают задачам развития ребенка в кризисный период [11].

Проведенное нами эмпирическое исследование подтвердило прохождение этапа усиления прежних воспитательных воздействий — в кризисные периоды у матерей отмечается повышение гиперпротекции и запретов, снижение эмоционального фона отношений с детьми. Также было выявлено, что благополучие в эмоциональном взаимодействии и отсутствие незрелых стилевых характеристик воспитания у родителей взаимосвязаны с большей выраженностью у ребенка конструктивных симптомов кризиса трех лет и снижением негативистских симптомов и невротических реакций [5].

Таким образом, залог благополучного протекания возрастного кризиса у ребенка — умение родителей перестроиться и найти новые воспитательные воздействия. Несмотря на практическую значимость данной темы, эмпирических исследований в этой области явно недостаточно.

Цель нашего исследования — выявление предикторов кризиса трех лет в области детско-родительского взаимодействия. В нашем исследовании термин «детско-родительское взаимодействие» — обобщающий конструкт, включающий стилевые характеристики воспитания, особенности эмоционального взаимодействия матерей с детьми, а

также характеристики семейной адаптации и сплоченности.

Следует отметить, что новизна нашего подхода заключалась в использовании наряду с опросниками метода наблюдения за реальным взаимодействием детей и матерей в кризисный период.

Основная гипотеза исследования: в качестве предикторов кризиса трех лет у детей могут выступать особенности детско-родительского взаимодействия, прежде всего, стилевые характеристики воспитания, связанные с последовательностью и строгостью матерей в воспитании, а также эмоциональное принятие ребенка, семейная адаптация и сплоченность семьи. Признавая нормативность возрастного кризиса, мы полагаем, что неустойчивость стиля воспитания, воспитательная неуверенность матерей, крайности в плане контроля (как недостаточная, так и чрезмерная строгость) могут увеличивать кризисные проявления. В то же время благополучная семейная атмосфера может способствовать некоторому снижению кризисных проявлений.

Программа исследования

Выборка. Исследование проводилось в 2014 г. на базе МОУ «ЦППМ и СП» Всеволожского района Ленинградской области. В исследовании приняли участие 117 детей (65 мальчиков и 52 девочки) в возрасте от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес. и 117 их матерей. По фактору возраста выборка была разбита на 3 микровозрастные группы: 1) 2 года 1 мес. — 2 года 9 мес. (45 детей); 2) 2 года 10 мес. — 3 года 6 мес. (44 ребенка); 3) 3 года 7 мес. — 3 года 11 мес. (28 детей). Средний возраст детей — 3 года. 67 детей имеют сиблингов, 50 — единственные

дети в семье; 100 семей — полные и 17 — неполные.

Методы исследования: опросник выраженности симптомов кризиса трех лет В.Е. Василенко [3], анкета проявлений кризиса трех лет у детей Т.В. Гуськовой [7] в модификации В.Е. Василенко, опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса для родителей детей в возрасте 3–10 лет, опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой [9], шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3) Д.Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави в адаптации Э.Г. Эйдемиллера [13], а также специально разработанные для данного исследования карты наблюдения за детьми на основе содержания шкал опросников АСВ и ОДРЭВ. Так, карта наблюдения по АСВ включает 6 шкал: уровень протекции в процессе воспитания (гипоопека–гиперопека), степень удовлетворения потребностей ребенка (игнорирование–потворствование), недостаточная требовательность–чрезмерная требовательность родителя, недостаточность запретов–чрезмерность запретов, недостаточность санкций–чрезмерность санкций и неустойчивость стиля воспитания. Карта наблюдения по ОДРЭВ включает все шкалы опросника. По каждой шкале от 1 до 5 баллов оценивались 2 позиции: 1) взаимодействие с ребенком в процессе совместного выполнения заданий на занятиях и 2) взаимодействие до или после занятий (в раздевалке). Затем подсчитывалось среднее значение. Таким образом, максимальное значение по каждой шкале — 5 баллов. Наблюдение проводили два эксперта: психологи или психолог и воспитатель.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы

IBM SPSS Statistics 20: описательная статистика; дисперсионный анализ по факторам «возраст» и «пол», факторный анализ, регрессионный анализ.

Результаты исследования

Проявления кризиса трех лет у детей

Данные опросника В.Е. Василенко показывают, что кризис трех лет у детей данной выборки в целом выражен умеренно (общий показатель — 36%, 39% и 42% в первой, второй и третьей микровозрастных группах). Во всех микровозрастных группах наиболее выражена категория конструктивных симптомов (56%, 66% и 69%), затем идет категория негативистских симптомов (44%, 45% и 50%), на третьем месте по выраженности — категория невротических реакций (15%, 18% и 18%). Из отдельных симптомов кризиса в целом по выборке наиболее выражены изменение отношения к предметному миру и к значимому взрослому, упрямство, строптивость и своеволие.

Значимые различия между микровозрастными группами выявлены по конструктивной категории симптомов: во второй и третьей группах кризис более выражен, чем в первой ($p < 0,01$). Значимых различий в общих показателях кризиса у мальчиков и девочек не выявлено.

Результаты анкеты Т.В. Гуськовой подтверждают преобладание конструктивных проявлений кризиса у детей всех микровозрастных групп ($M=9,96$; $M=11,32$; $M=11,93$) по сравнению с негативистскими проявлениями ($M=8,24$; $M=8,86$; $M=9,93$). Из отдельных проявлений кризиса в целом по выборке наиболее выражены стремление к самосто-

тельности, появление в речи символов «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду», новых форм поведения, фантазирования и новых ролей, увеличение частоты эмоциональных проявлений.

Общий показатель кризиса более выражен в третьей группе по сравнению с первой ($p < 0,001$) и во второй группе по сравнению с первой ($p < 0,05$). Выраженность конструктивных проявлений в целом увеличивается во второй группе по сравнению с первой ($p < 0,001$) и в третьей по сравнению с первой ($p < 0,01$). Общий показатель негативистских проявлений кризиса выше в третьей группе по сравнению с первой ($p < 0,05$). У девочек по сравнению с мальчиками выше общий показатель кризиса ($p < 0,05$) и его конструктивная составляющая ($p < 0,01$).

Особенности детско-родительского взаимодействия

Анализ стилевых характеристик воспитания по АСВ на выборке в целом показал, что у родителей наиболее выражена гиперпротекция ($M=5,18$), на втором месте — потворствование ($M=3,78$), далее следует минимальность санкций ($M=3,15$). Среди личностных проблем родителей доминируют расширение родительских чувств ($M=2,62$) и воспитательная неуверенность ($M=2,56$). Все показатели близки к среднему уровню и не достигают критических значений.

Частотный анализ встречаемости отклоняющихся стилевых характеристик обнаружил диаду недостаточности санкций (41%) и запретов (32%), а также гиперпротекцию (29%), недостаточность требований (8,5%), чрезмерность запретов (11%), высокую требовательность (3,4%) и потворствование (1,7%).

Среди личностных проблем у родителей наиболее выражены воспитательная неуверенность (5,1%), предпочтение детских качеств (4,3%) и проекция нежелательных качеств на ребенка (4,2%). Редко встречается явное расширение родительских чувств (2,6%), хотя средние значения по этому показателю достаточно высоки.

Значимые микровозрастные различия обнаружены только по шкале гиперпротекции: в третьей группе она менее выражена по сравнению с первой и второй группами ($p < 0,05$). Значимых различий по полу не выявлено.

Карта наблюдения по АСВ в целом подтвердила данные опросника. И в процессе развивающих занятий, и до, и после занятий чаще всего у матерей по отношению к ребенку наблюдается гиперпротекция ($M=3,48$), на втором месте находится потворствование ($M=3,38$). Чрезмерность требований-обязанностей ($M=2,15$), требований-запретов ($M=2,14$), неустойчивость стиля воспитания ($M=2,08$) и чрезмерность санкций ($M=1,74$) выражены реже.

Значимые микровозрастные различия по карте наблюдения АСВ обнаружены в уровне гиперпротекции: в первой группе он выше, чем в третьей ($p \leq 0,05$). Различий в связи с фактором пола не выявлено.

Факторный анализ на основе показателей стилевых характеристик воспитания (по опроснику АСВ и карте наблюдения на основе АСВ) позволил выделить 7 факторов, объясняющих 59,28% суммарной дисперсии признаков:

1) «Строгость и требовательность в реальном взаимодействии родителей с ребенком»: степень запретов (0,86), строгость санкций (0,75), неустойчивость стиля воспитания (0,72), степень предъ-

явления требований (0,68) по карте наблюдений;

2) «Потворствующая гиперпротекция»: гиперпротекция (0,74), предпочтение детских качеств в ребенке (0,67), потворствование (0,61), недостаточность санкций (0,54) и предпочтение женских качеств в ребенке (0,48);

3) «Воспитательная неуверенность матери»: воспитательная неуверенность (0,75), недостаточность требований (0,64), потворствование (0,55 – по карте наблюдения и 0,51 – по опроснику);

4) «Неразвитость родительских чувств»: игнорирование потребностей ребенка (0,87), неразвитость родительских чувств (0,61), проекция на ребенка собственных нежелательных качеств (0,60);

5) «Строгость при расширении родительских чувств (авторитарный стиль)»: чрезмерность санкций (0,73), недостаточность запретов (-0,51) и расширение сферы родительских чувств (0,50);

6) «Гендерные стереотипы восприятия ребенка»: предпочтение мужских (0,75) и женских (0,42) качеств в ребенке;

7) «Потворствующая гиперпротекция в реальном взаимодействии с ребенком»: гиперпротекция (0,81) и степень удовлетворения потребностей ребенка, т. е. потворствование (0,62) по карте наблюдения.

Анализ эмоционального детско-родительского взаимодействия по ОДРЭВ на выборке в целом показал, что у родителей наиболее выражено стремление к телесному контакту ($M=4,26$), на втором месте – способность воспринимать состояние ребенка ($M=4,22$), далее следует безусловное принятие ($M=4,15$). Показатели детско-родительского эмоционального взаимодействия по всем трем блокам: чувствительности, эмоционального принятия и поведенческих проявлений – близки к среднему уровню и не достигают

критических значений. Частотный анализ выявил, что наибольшие проблемы в эмоциональном взаимодействии связаны со сниженными показателями умения воздействовать на состояние ребенка (23%), понимания причин состояния ребенка (21%), эмпатии (у 16% родителей), способности воспринимать состояние ребенка (12%). Также встречаются сложности с принятием себя как родителя (9%). У 5% родителей снижены эмоциональный фон взаимодействия с ребенком и стремление к телесному контакту с ним. 4% родителям сложно ориентироваться на состояние ребенка при построении взаимодействия. Значимых различий в связи с факторами возраста и пола не выявлено.

Карта наблюдений по ОДРЭВ показала, что и в процессе развивающих занятий, и до, и после занятий у матерей во взаимодействии с детьми ярко выражены позитивные чувства ($M=4,03$), стремление к телесному контакту ($M=3,71$) и способность воспринимать состояние ребенка ($M=3,70$). Общие показатели характеристик взаимодействия (блоков) находятся на уровне выше средних значений, что говорит в целом об эмоциональном благополучии в детско-родительском взаимодействии. Относительно проблемная зона – ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия ($M=3,15$).

В отличие от опросника ОДРЭВ, по карте наблюдений выявлены различия в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми в связи с факторами возраста и пола. Так, выявлены микровозрастные различия по блоку чувствительности: в первой группе общий показатель, а также способности сопереживать ребенку и воспринимать его состояние у матерей выше, чем в третьей ($p<0,05$). Способность родителей сопереживать также значимо выше

у матерей первой группы по сравнению со второй ($p < 0,05$). Что касается пола, то матери девочек более склонны безусловно принимать своего ребенка ($p < 0,01$) и более позитивно реагируют на поведение своих детей ($p < 0,05$).

Изучение семейного функционирования по FACES-3 выявило, что общие показатели сплоченности по всей выборке ($M=41,75$) и в третьей группе ($M=40,32$) соответствуют средним значениям (разделенный тип), а в первой и второй микровозрастных группах несколько выше средних значений ($M=42,09$ и $M=42,32$), что соответствует связанному типу сплоченности по Э.Г. Эйдемиллеру. Семейная адаптация родителей по всей выборке несколько выше среднего уровня ($M=29,82$), что свидетельствует о выраженности гибкого типа адаптации. Матери девочек высказывают больше желания увеличить семейную сплоченность ($p < 0,05$).

Предикторы кризиса трех лет в области детско-родительского взаимодействия

Целью регрессионного анализа было выявить, как влияют на общую выраженность кризиса трех лет у детей показатели детско-родительского взаимодействия. В качестве зависимых переменных рассматривались общий показатель кризиса

по анкете (модель 1) и общий показатель кризиса по опроснику (модель 2). В качестве независимых переменных выступали факторы стилей воспитания (на основе опросника АСВ и карты наблюдений по АСВ), показатели эмоционального взаимодействия (по опроснику ОДРЭВ и карте наблюдения по ОДРЭВ), общие показатели семейной сплоченности и адаптации (по FACES-3). Регрессионный анализ проводился на всей выборке.

Результаты для зависимой переменной – общий показатель кризисных проявлений по анкете – представлены в табл. 1.

В уравнение регрессии включены 3 предиктора, которые обуславливают 20% дисперсии общего показателя кризисных проявлений.

Проявления кризиса трех лет более выражены у детей, матери которых демонстрируют меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p < 0,001$), большую воспитательную неуверенность ($p < 0,01$), но в то же время более высоко оценивают сплоченность семьи ($p < 0,05$). Последняя взаимосвязь не выглядит такой логичной, как первые две, мы попробуем ее объяснить в разделе обсуждения результатов.

Результаты для зависимой переменной – общий показатель кризисной сим-

Таблица 1

Данные регрессионного анализа «Коэффициенты» для модели 1

Модель 1 ($R=0,450$, R квадрат = $0,202$)	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка	Бета		
3 (Константа).	22,945	2,551		8,995	0,000
1. Фактор «Воспитательная неуверенность матери».	0,948	0,306	0,277	3,102	0,002
2. «Эмоциональное принятие» (блок ОДРЭВ).	-0,492	0,145	-0,314	-3,385	0,001
3. Семейная сплоченность	0,115	0,045	0,230	2,537	0,013

птоматики по опроснику — представлены в табл. 2.

В уравнение регрессии включены 6 предикторов, которые обуславливают 35% дисперсии общего показателя кризисной симптоматики.

Симптомы кризиса трех лет более выражены у детей, матери которых демонстрируют меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p < 0,001$), неразвитость родительских чувств ($p < 0,01$), воспитательную неуверенность, потворствующую гиперпротекцию и в то же время чувствительность к ребенку ($p < 0,05$). Кризис менее выражен в случае большей зрелости матерей в поведенческих проявлениях при реальном взаимодействии: умение оказать эмоциональную поддержку ребенку, воздействовать на его состояние ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Протекание кризиса трех лет у детей можно охарактеризовать как благопо-

лучное: преобладает его конструктивная симптоматика, невротические реакции выражены слабо. У детей появляется мотивация достижения, им становится важна оценка взрослого. В поведении выражены упрямство, строптивость и своеволие, т. е. появляется желание утвердить свое Я, идет поиск своих психологических границ. Также выражены стремление к самостоятельности, появление в речи слов «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду», фантазирования и новых ролей.

Можно говорить о предкритической фазе (период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес.). После 2 лет 10 мес. большинство детей вступают в критическую фазу, что согласуется с данными Т.В. Гуськовой [7]. Посткритическую фазу методом поперечных срезов выявить не удалось, для этой цели необходимо лонгитюдное исследование.

По опроснику симптомов различий в общем показателе кризиса у мальчиков и девочек не выявлено, в то время как по

Таблица 2

Данные регрессионного анализа «Коэффициенты» для модели 2

Модель 2 ($R = 0,594$, R квадрат = $0,353$)	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты Бета	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка			
6 (Константа).	61,853	9,041		6,841	0,000
1. «Эмоциональное принятие» (блок ОДРЭВ).	-1,950	0,543	-3,61	-3,594	0,000
2. Фактор «Воспитательная неуверенность матери».	2,395	0,994	0,203	2,410	0,018
3. Повед. проявления эмоц. взаимодействия (по карте наблюдений).	-0,763	0,294	-0,208	-2,595	0,011
4. Фактор «Неразвитость родительских чувств».	2,741	1,012	0,233	2,708	0,008
5. Чувствительность (блок ОДРЭВ).	1,637	0,725	0,208	2,258	0,026
6. Фактор «Потворствующая гиперпротекция»	1,882	0,905	0,160	2,080	0,040

анкете кризисных проявлений кризис в целом и особенно его конструктивная составляющая более выражены у девочек.

Что касается стилевых характеристик воспитания, и опросник, и наблюдение выявили, что более трети матерей ведут себя с детьми очень мягко, почти ничего не запрещают детям и не наказывают их в случае поведенческих проблем. По мере взросления потворствующая гиперпротекция уменьшается. Значимых различий в воспитании мальчиков и девочек раннего возраста не обнаружено.

В плане эмоционального взаимодействия с детьми, и по опроснику, и по карте наблюдения в целом картина благоприятная. Тем не менее, встречаются проблемные зоны, связанные с умением воздействовать на состояние ребенка, пониманием причин его состояния, эмпатией. В процессе наблюдения за реальным взаимодействием более ярко проявились сложности с ориентацией на состояние ребенка.

В целом, эти данные согласуются с результатами исследования детско-родительского взаимодействия на выборке дошкольников [6] и, по-видимому, отражают современные воспитательные тенденции.

В первой и второй группах преобладает связанный тип семейной сплоченности, а в третьей — разделенный тип сплоченности, что в целом говорит об успешности функционирования семейной системы. Выражен гибкий тип адаптации — у родителей есть наработанные стратегии «подстройки» к ситуации.

Наибольший вклад в оценку общего показателя кризиса вносит эмоциональное принятие ребенка — чем оно выше, тем менее выражены поведенческие симптомы и другие кризисные проявления. Общая выраженность кризиса связана

как с неблагоприятными тенденциями в воспитании у матерей (воспитательная неуверенность, неразвитость родительских чувств, потворствующая гиперпротекция, незрелость поведенческих проявлений при реальном взаимодействии), так и с благополучием в семейном функционировании и эмоциональном взаимодействии (семейная сплоченность, чувствительность матери к ребенку). Последний факт еще раз подтверждает, что возрастной кризис — это нормативное явление.

К тому же, следует отметить, что оценка выраженности кризиса проводилась на основе оценки матерей. Возможно, поэтому и проявились предикторы «чувствительность матери» и «семейная сплоченность». Можно предположить, что те матери, которые лучше понимают причины состояния и поведения детей, а также больше внимания уделяют сплоченности семьи, оказались более внимательными к описанию поведенческих симптомов кризиса. Также на этих результатах могло сказаться то, что при регрессионном анализе мы не разделяли деструктивную и конструктивную составляющие кризиса. В изучаемых нами кризисных проявлениях в целом конструктивная составляющая представлена меньше, большинство исследуемых нами показателей — негативистские симптомы.

Выводы

1. После 2 лет 10 мес. большинство детей вступают в критическую фазу. В кризисе трех лет у детей преобладает конструктивная симптоматика, появляется «гордость за достижения». Из негативистских симптомов выражены упрямство, строптивость и своеволие.

Кризисные проявления больше выражены у девочек.

2. Исследование стилевых характеристик воспитания матерей выявило недостаточность санкций и запретов (у 41% и 32% матерей соответственно), а также гиперпротекцию (29%). Из личностных проблем родителей чаще всего встречается воспитательная неуверенность (5%). Отмечается высокое эмоциональное принятие детей. Тем не менее, встречаются проблемные зоны, связанные с умением воздействовать на состояние ребенка (23%), пониманием причин его состояния (21%), эмпатией (16%). В процессе наблюдения за реальным взаимодействием более ярко проявились сложности с ориентацией на состояние ребенка. В первой и второй группах преобладает связанный, а в третьей — разделенный тип сплоченности. Выражен гибкий тип адаптации.

3. Кризис трех лет более выражен при низком эмоциональном принятии ребенка, воспитательной неуверенности матерей, неразвитости родительских чувств, потворствующей гиперпротекции, незрелости поведенческих проявлений при реальном взаимодействии матерей с детьми. В то же время кризисные проявления могут быть выражены и при благополучии в семейном функционировании и эмоциональном взаимодействии (семейная сплоченность, чувствительность матери к ребенку).

Таким образом, проведенное исследование в целом подтвердило выдвинутые гипотезы. В дальнейшем мы планируем уточнить влияние характеристик детско-родительского взаимодействия на общие показатели трех категорий симптомов (конструктивных, негативистских и невротических).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
2. *Василенко В.Е.* Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями родительского отношения к ребенку (кросскультурный аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 3. С. 42–51.
3. *Василенко В.Е., Манукян В.Р.* Возрастные кризисы жизненного цикла: практикум. СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. 96 с.
4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
5. *Головей Л.А., Савеньшева С.С., Василенко В.Е.* Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 32–43.
6. *Головей Л.А., Василенко В.Е., Савеньшева С.С.* Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 5–18. doi:10.17759/sps.2016070201
7. *Гуськова Т.В.* Психологический анализ кризиса трех лет: дис. ... канд. психол. наук. М., 1988. 167 с.
8. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд. МГУ, 1972. 576 с.
9. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 430 с.

10. *Марютина Т.М.* Об использовании понятий «критический» и «сензитивный» период индивидуального развития // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 145–153.
11. *Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 184 с.
12. *Поливанова К.Н.* Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 3. С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301
13. Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы: учеб. пособие для врачей и психологов / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера. СПб.: Речь, 2010. 425 с.
14. *Толстых Н.Н.* Социальная психология развития как самоценная отрасль психологической науки // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 13–25.
15. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
16. *Уайт Б.* Первые три года жизни. М.: Педагогика, 1982. 176 с.
17. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб: Летний сад, 2000. 416 с.
18. *Emanuel L.* Understanding your three-year-old. London and Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2013. 95 p.
19. *Wolff S.* Children under stress. Harmondsworth: Penguin Books, 1973. 284 p.

Manifestations of the “3 year old child’s crisis” in relation to characteristics of the parent-child interaction

Y.Y. ULANOVA*,
Vsevolozhsk, Russia, yuliya_ulanova@list.ru

V.E. VASILENKO**,
Saint-Petersburg, Russia, v.vasilenko@spbu.ru

This article is devoted to analysis of the predictors of the “3 years old child’s crisis” in the field of parent-child interaction (parenting styles, peculiarities of emotional interaction mothers with children, characteristics of family adaptation and cohesion). The study involved 117 children (65 boys and 52 girls) and 117 their mothers from Vsevolozhsk district of the Leningrad region. The age of children – from 2 years 1 month to 3 years 11 month, Mage = 3 years. We used psychodiagnostic methods and the method of observation. The study revealed that the period from 2 years 1 month to 2 years 9 months is characterized by signs of subcritical phase, critical phase was observed after 2 years 10 months. “3 year old child’s crisis” is more pronounced at lower emotional acceptance of the child, maternal educational uncertainty, underdevelopment of parental feelings, indulgence overprotection, immaturity of maternal emotional behavior in actual interaction of mothers with children. At the same time the crisis manifestations can be expressed in the case of well-being in family functioning and emotional interaction (family cohesion, the sensitivity of the mother to child), which confirms the normativity of the “3 years old child’s crisis”.

Keywords: “3 year old child’s crisis”, manifestations and symptoms of the “3 year old child’s crisis”, parent-child interaction, parenting styles, emotional interaction mothers with children, family cohesion.

REFERENCES

1. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 400 p.

For citation:

Ulanova Y.Y., Vasilenko V.E. Manifestations of the «3 year old child’s crisis» in relation to characteristics of the parent-child interaction. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 68–82. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070405

* *Ulanova Yuliya Yu.* – Educational psychologist of the highest category, «Center of psychological, educational, medical and social care» of Vsevolozhsk district of the Leningrad region, Vsevolozhsk, Russia, yuliya_ulanova@list.ru

** *Vasilenko Victoria E.* – PhD (Psychology), Associate professor of the Developmental and Differential Psychology Chair, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, v.vasilenko@spbu.ru

2. Vasilenko V.E. Proyavleniya krizisa trekh let v svyazi s osobennostyami roditel'skogo otnosheniya k rebenku (krosskul'turnyi aspekt) [Manifestations of the "three year old child's crisis" and parental relationship to a child (cross-cultural aspect)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education], 2013, no. 3, pp. 42–51. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Vasilenko V.E. Manukyan V.R. Vozrastnye krizisy zhiznennogo tsikla: Praktikum [Age crises of life cycle: Practicum]. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 2011, 96 p.
4. Vygotskiy L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya [Collected Works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology]. Moscow: Pedagogika, 1984. 432 p.
5. Golovey L.A., Savenysheva S.S., Vasilenko V.E. Detsko-roditel'skie otnosheniya v stabil'nye i krizisnye periody detstva [Parent-child relationships in stable and critical periods of the childhood]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2015, vol. 36, no 2, pp. 32–43. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Golovey L.A., Vasilenko V.E., Savenysheva S.S. Struktura sem'i i semeinoe vospitanie kak faktory razvitiya lichnosti doshkol'nika [Family structure and family education as factors for personal development of preschooler]. *Social'naâ psihologiâ i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 5–18. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070201
7. Gus'kova T.V. Psikhologicheskii analiz krizisa trekh let. Diss. kand. psikhol. nauk [Psychological analysis of the "three year old child's crisis". PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 1988. 167 p.
8. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of the psyche's development]. Moscow: Publ. MGU, 1972. 576 p.
9. Liders A.G. Psikhologicheskoe obsledovanie sem'I [The psychological study of family]. Moscow: Akademiya, 2008. 430 p.
10. Maryutina T.M. Ob ispol'zovanii ponyatii "kriticheskii" i "senzitivnyi" period individual'nogo razvitiya [On the use of the concepts "critical" and "sensitive" period of individual development]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1981, vol. 2, no. 1, pp. 145–153.
11. Polivanova K.N. Psikhologiya vozrastnykh krizisov [Psychology of age crises]. Moscow: Akademiya, 2000, 184 p.
12. Polivanova K.N. Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniya [Elektronnyi resurs]. [Parenting and parenthood as research domains]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2015, vol. 7, no. 3, pp. 1–11. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/psyedu.2015070301
13. Praktikum po semeinoi psikhoterapii: sovremennye modeli i metody [Practicum on family psychotherapy: modern models and methods]. Edited by E.G. Eidemiller. Saint-Petersburg: Rech', 2010, 425 p.
14. Tolstykh N.N. Sotsial'naya psikhologiya razvitiya kak samotsennaya otrasl' psikhologicheskoi nauki [Social psychology of development as a self-valuable branch of psychological science]. *Social'naâ psihologiâ i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2010, no 1, pp. 13–25. (In Russ., abstr. in Engl.).

15. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected Psychological Works], Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p.
16. Uait B. Pervye tri goda zhizni [The first three years of life]. Moscow: Pedagogika, 1982, 176 p. (In Russ.).
17. Erikson E. Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. SPb: Letnii sad, 2000. 416 p. (In Russ.).
18. Emanuel L. Understanding your three-year-old. London and Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2013. 95 p. (In Engl.).
19. Wolff S. Children under stress. Harmondsworth: Penguin Books, 1973. 284 p. (In Engl.).